

Вдруг молодой вице-генерал запрыгнул на стену и не дал ему продолжить. Он отчитал его тихим голосом: «Достаточно. Если ты действительно убьешь кого-то, то это не будет хорошо для всех. Сюань Юань По большой, ты действительно думаешь, что никто не узнает его?»

Танг Тридцать Шесть пожал плечами, бросил камень обратно в сад у стены и сказал: «Спасибо».

Если бы молодой вице-генерал и Запретная Стража не были тут сегодня, он бы все равно не позволил толпе продолжать унижать Даосскую Академию и Чэнь Чан Шэна. Но несмотря ни на что, он не был бы так счастлив, как сейчас, и он не должен был быть обеспокоен последствиями.

Молодой вице-генерал сказал безвыразительно: «Тебе не надо благодарить меня. Я лишь надеюсь, что ты вспомнишь, что ты сказал».

Выражение Танга Тридцать Шесть немного изменилось. Он сказал: «Я сказал много слов сегодня».

Молодой вице-генерал похлопал его по плечу и сказал: «Ты упоминал мою сестру и пристыдил мою семью. По крайней мере, ты должен взять какую-то ответственность?»

Танг Тридцать Шесть сказал без сомнений: «Я сосредоточен исключительно на культивации. Потому я решил не рассматривать женитьбу до пятидесяти».

Услышав его слова, выражение молодого вице-генерала вдруг изменилось. Он злобно сказал: «Что за нахрен, так что насчет моей сестры?»

Танг Тридцать Шесть виновато улыбнулся: «Я хочу сказать, ведь моя бабушка - твоя бабушка? Это неправильно, кузен».

Вход Даосской Академии был полностью пустым, остались лишь камни и некоторые следы крови. Также там было несколько веток дерева сливы. Это было, вероятно, потому, что ранее, когда Чэнь Чан Шэн был занят доставкой камней, он случайно смешал несколько веток дерева с камнями и доставил их вместе.

Чэнь Чан Шэн взглянул на Запретную Стражу, которая собиралась уйти, и сказал: «Так вот почему».

Танг Тридцать Шесть беспомощно вздохнул: «Ты не понимаешь, моя кузина страшная» (прим.пер. Речь о сестре его кузена).

Затем Сюэ Син Чуань вышел из ресторана, сел на килина красного облака и собрался покинуть это место. По его выражению можно было увидеть, что он чувствовал себя довольным результатом.

Как Генерал, занимающий второй ранг на континенте, Сюэ Син Чуань строго руководил своими солдатами. Как он мог не знать о происхождении своего важного подчиненного, молодого вице-генерала? Он очевидно знал об отношениях между Тангом Тридцать Шесть и ним, но он все же позволил молодому вице-генералу справиться с этой ситуацией, так что его отношение было очень ясным.

Когда люди покинули улицу, она стала пустой. Сюань Юань По тоже пробрался обратно. Поблагодарив Цзинь Юй Лу, трое молодых людей направились к Даосской Академии.

Чэнь был в смятении. Он спросил: «Почему Генерал Сюэ помог Даосской Академии?»

Танг Тридцать Шесть сказал: «За такой короткий период времени так много людей собрались для протеста. Хотя одна из причин в том, что ты слишком хорошо привлекаешь ненависть других, за этим определенно кто-то стоял».

Чэнь Чан Шэн спросил: «Кто?»

Танг Тридцать Шесть: «Кто же еще это мог быть?»

Даже Сюань Юань По знал. Это определенно была семья Тянь Хай, которая попыталась уничтожить Даосскую Академию, но не смогла сделать этого утром.

Чэнь Чан Шэн был еще в большем замешательстве. Он сказал: «Генерал Сюэ - определенно один из людей, которым Божественная Королева доверяет больше всего, в противном случае ему не позволили бы командовать Запретной Стражей».

«Я сказал тебе ранее. Божественная Королева и семья Тянь Хай - это не одно и то же».

«Почему?»

«Попросту говоря, она состояла в браке с семьей Чэнь. Хотя ее фамилия Тянь Хай, фамилией ее последнего сына было Чэнь. У ее следующего поколения тоже будет фамилия Чэнь. По слухам, Патриарх говорил с Божественной Королевой и сказал, что никогда не слышал о случае, когда племянник посещал могилу тети» (прим.пер. В китайской культуре принято посещать кладбище родителей и дедушки/бабушки в определенные праздники).

«Но по слухам, у Божественной Королевы нет собственных...»

«Помолчи». Танг Тридцать Шесть посмотрел прямо вперед и сказал: «Есть вещи, о которых нельзя говорить вслух».

Чэнь Чан Шэн немного задумался. Он больше не продолжал говорить об этом вопросе, а просто сказал: «Спасибо».

Он благодарил Танга Тридцать Шесть за то, как тот защитил его раньше.

Танг Тридцать Шесть ответил: «Нет».

Помимо нескольких людей в Даосской Академии, и яо, которые склонялись к ним из-за Ло Ло, никто на континенте не хотел видеть брак Сюй Ю Жун и Чэнь Чан Шэна. Многие высокие должностные лица также выразили свои опасения и возражения по этому поводу. Их мнения не содержали какой-то степени неприязни и зависти, они просто заботились об общей ситуации расы людей. Они говорили о борьбе против демонов и союзе между Югом и Севером. От Первого Императора до текущей Божественной Королевы, союз между Югом и Севером, истинное соглашение между людьми, всегда были самой важной политикой Великой Чжоу.

На конференции суда сегодня из-за ожидаемого брака между Чэнь Чан Шэном и Сюй Ю Жун чиновники лихорадочно спорили. Чиновники, которые склонялись к старой королевской семье, хотели, чтобы это произошло, но против чиновников, которые приводили в пример правое дело, они проигрывали. В конечном счете конференция суда приняла решение - их брак надо обсудить более подробно до того, как он фактически станет реальностью.

Конечно же, их мнения не были важными, поскольку брак был личной вещью. Независимо от того, сколько власти удерживали эти чиновники, они по-прежнему не могли активно вмешаться. Они лишь могли выразить свои взгляды. Пока печать Патриарха все еще была на брачном документе, и Божественная Королева ничего не говорила об этом, никто не мог свести этот брак на нет.

Тут же новости кровавого события, которое произошло на входе Даосской Академии, быстро распространилась над столицей. Некоторые профессора яростно били кулаком по столу и тут же встали, услышав это, некоторые высшие чиновники подвергли резкой критике Сюэ Син Чуаня за то, что он несправедливо регулировал это дело, а некоторые граждане даже начали марш, чтобы выразить свою злость. Они собрались перед Департаментом Даосского Образования, чтобы попросить Епископа исключить Чэнь Чан Шэна и выгнать его из столицы.

Вдруг глаза всех сфокусировались на Департаменте Даосского Образования. Все люди хотели узнать, как Епископ, который, казалось, никогда достаточно не высыпался, решит эту сложную проблему, учитывая неоднозначные намерения Божественной Королевы и Патриарха.

К их удивлению, епископ совсем не вникал в отношения Божественной Королевы и Патриарха. В отличие от того, как люди представляли, что он будет медлить, он вместо этого использовал самый простой и прямой метод - разогнать людей перед департаментом.

Епископ приказал страже Даосизма просто направить лошадей прямо в толпу. Пыль разлетелась по всему месту. Некоторые люди плакали, и бесчисленные кости были сломаны. Толпа разошлась. Это было подобно сцене, которая произошла перед Даосской Академией, за исключением того, что эта сцена была более кровавой и ужасающей.

Все почувствовали шок и потеряли дар речи, узнав, что случилось перед Департаментом Даосского Образования. Лишь в этот момент они осознали, что Епископ был настолько суровым. Факт того, что он отправил на это так много стражи Даосизма, не консультируясь с Патриархом, заставил некоторых людей решить, что Епископ был гораздо сильнее, чем они представляли.

Согласно статистическим данным, из двух событий, которые произошли в Даосской Академии и Департамента Даосского Образования, три человека умерло, более трех сотен людей было ранено, и более семидесяти людей было тяжело ранено. В сравнении с числом жертв, фактическая сцена была более кровавой и жестокой. Ее влияние будет огромным.

В тот день шел осенний дождь. Это дело будет записано, как Даосское Кровавое Дело при Осеннем Дожде.

Позади Даосского Кровавого Дела при Осеннем Дожде многие люди увидели след семьи Тянь Хай.

На западе столицы было тихое поместье, база семьи Тянь Хай.

Мужчина средних лет, сидевший на бамбуковом стуле рядом с деревьями, посмотрел в направлении Департамента Даосского Образования и сказал: «Смотри, некоторые старейшины не смогли дождаться, чтобы начать действовать».

Стоя рядом с ним, Сюй Ши Цзи слегка нахмурился. Никто не знал, о чем он думал.